

Юрина Марина Анатольевна

"ЧУКОТКА" Т. З. СЁМУШКИНА КАК "ПОВЕСТЬ ВОСПИТАНИЯ"

В статье характеризуется тема воспитания в повести Т. З. Сёмушкина "Чукотка" как один из важнейших жанрообразующих элементов. Автор представляет особый взгляд на проблематику произведения, впервые в истории его изучения освещает роль традиций А. Макаренко в сюжетной структуре книги. Анализируется система образов повести, рассматривается нравственная эволюция основных героев. Особый акцент в анализе процесса духовного развития персонажей делается на проблеме взаимопроникновения палеоазиатской и европейской культур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/10/30.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (112). С. 106-108. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

более фигуры других представителей Советской власти, по уровню глубины, выразительности, многогранности значительно проигрывают отрицательным персонажам. В создании образов последних автор мастерски, виртуозно использовал и документальные источники, и литературную традицию, и художественный вымысел. Художественная выразительность таких фигур, как Алитет, Томпсон, Саймонс, обусловила творческий успех романа и явилась одним из показателей его поэтической самобытности.

Список литературы

1. Галкин Н. В земле полуночного солнца. М. – Л.: Мол. Гвардия, 1931. 228 с.
2. Зелинский К. Послесловие // Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы. М.: ИХЛ, 1965. 509 с.
3. Рытхэу Ю. С. Под сенью волшебной горы. Л.: Советский писатель, 1974. 328 с.
4. Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы: роман. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1984. 479 с.
5. Солоухин В. О Тихоне Сёмушкине и его книгах // Сёмушкин Т. З. Алитет уходит в горы. М.: Молодая гвардия, 1966. 521 с.
6. Хакимов К. Конец Алитета // Полярная звезда (Певек). 1966. 27 ноября.
7. Шпрыгов Ю. М. Проза утреннего края: лит.-крит. очерки. Магадан: Кн. изд-во, 1985. 102 с.
8. Якимова Л. П. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 230 с.

**METHODS OF NEGATIVE CHARACTERS' IMAGES CREATION
IN THE NOVEL "ALITET GOES TO THE MOUNTAINS" BY T. Z. SEMUSHKIN**

Yurina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Eastern State University in Magadan
frigg@maglan.ru

The article analyzes negative characters' images in the novel "Alitet Goes to the Mountains" by T. Z. Semushkin, the artistic originality of which has hardly been studied in contemporary literary criticism. The issue of Alitet's image prototypical character, and the ratio of realistic and romantic fundamentals in it is considered. For the first time in the analysis of the key negative figures of the work the significance of the literary tradition, plot and compositional elements, and the artistic detail is shown. The conclusion is made about artistic expressiveness of the negative characters' images of the novel that conditioned its poetic originality.

Key words and phrases: artistic structure; prototype; documentary source; figurative structure; negative type; zoologization technique; interior; antithesis.

УДК 82(091)

Филологические науки

В статье характеризуется тема воспитания в повести Т. З. Сёмушкина «Чукотка» как один из важнейших жанрообразующих элементов. Автор представляет особый взгляд на проблематику произведения, впервые в истории его изучения освещает роль традиций А. Макаренко в сюжетной структуре книги. Анализируется система образов повести, рассматривается нравственная эволюция основных героев. Особый акцент в анализе процесса духовного развития персонажей делается на проблеме взаимопроникновения палеоазиатской и европейской культур.

Ключевые слова и фразы: жанр; проблема воспитания; гуманистическая проблематика; эволюция персонажей; типические характеры; формирование личности.

Юрина Марина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
frigg@maglan.ru

«ЧУКОТКА» Т. З. СЁМУШКИНА КАК «ПОВЕСТЬ ВОСПИТАНИЯ»

Повесть «Чукотка» (1936) занимает особое место в творческой биографии Т. З. Сёмушкина. Это – первое его крупное произведение, написанное с большой долей художественности и вместе с тем довольно правдиво, достоверно для достаточно жестких цензурных условий 30-х годов XX века. Впервые оно было напечатано под названием «Моя Чукотка» в литературно-художественном альманахе «Год XIX» (1936). Впоследствии было доработано автором и неоднократно переиздавалось. Однако это произведение почти не было удостоено внимания исследователей, за исключением небольших обзоров и рецензий [1, с. 141; 3, с. 20-25; 6, с. 161-163]. Думается, что книга, достоверно отражающая освоение Чукотки в 30-х годах XX века, обладающая несомненными художественными достоинствами, требует более глубокого изучения.

Повесть Т. З. Сёмушкина «Чукотка» отличается самобытностью содержания. Его своеобразие проявляется в почти полном отсутствии традиционного для отечественной литературы 30-х годов XX века панегирического пафоса при оценке социалистических преобразований Севера. Более того, тематика повести посвящена не столько этим преобразованиям в широком, «героическом» смысле, сколько описанию кропотливого, порой рутинного процесса внедрения в привычную жизнь чукчей и эскимосов элементов цивилизации европейского типа, что уже было показано автором данной статьи в ряде работ [4; 5]. Писатель избегает элементов восхваления новой власти, акцентируя внимание читателя на процессе взаимного узнавания разных этносов, показывая уникальные судьбы и типические характеры, анализируя как поведение отдельной личности, так и образ

жизни северных народов в целом. Социально-политический аспект как бы отходит на второй план, уступая место гуманистическому. Такая тематическая доминанта произведения определяет и его жанровую специфику.

Как отмечал Ю. М. Шпрыгов, «это произведение в современном литературоведении отнесено к жанру социально-психологической повести, успешно развивавшемуся в нашей литературе в конце 30-х годов. Идеино-художественная концепция таких произведений, как правило, содержала аспекты нравственно-философские и нравственно-психологические» [3, с. 21]. К такому определению повести Т. Сёмушкина необходимо добавить ещё один нюанс. Важнейшей в «Чукотке» является проблема становления, формирования человеческой личности. Поэтому, если придерживаться тематического принципа жанрового деления, мы увидим, что перед нами едва ли не классический образец «повести воспитания», построенной по аналогии со знаменитой «Педагогической поэмой» А. С. Макаренко, увидевшей свет как раз в 1934-1935 годах. Не случаен и отклик самого автора этой книги на повесть Т. Сёмушкина: А. Макаренко почувствовал, видимо, некую родственную связь «Чукотки» со своим произведением.

Прежде всего, он обратил внимание на то, что «Т. Сёмушкин определил свою книгу “Чукотка” очень скромно – записки педагога... Однако, – отметил критик, – несмотря на резкую определённую тему и отсутствие формальных художественных претензий автора, “Чукотка” является художественным произведением с очень широким тематическим захватом». Автора «Педагогической поэмы» привлекло в «Чукотке» внимание писателя к людям из народа, подкреплённое верой в их лучшие качества: «Сёмушкин изображает чукчей с настоящей товарищеской симпатией. В его тексте всегда чувствуется глубокая уверенность в том, что их отсталость – категория исключительно историческая. <...> Редко кто умеет делать это с такой высоконравственной убедительностью и так просто, как это делает Сёмушкин». А. Макаренко подчеркнул высокую нравственную ценность повести северного писателя, отразившего «ничем не выдающиеся, прекрасные советские будни» педагогов, стремление которых осветить новой надеждой жизнь северян, изменить их судьбы к лучшему увенчивается заслуженным успехом. «Сёмушкин достигает цели не словесными ухищрениями, не украшениями текста, а очень тонкой организацией материала: у него в книге главное – колорит: колорит природы, людей, настроений, идей и уверенности» [1, с. 141].

Сюжет повести «Чукотка» построен аналогично сюжету «Педагогической поэмы»: так же, как и А. Макаренко, Т. Сёмушкин разворачивает повествование о создании первой на Лаврентьевском побережье школы-интерната, обращая главное внимание на этапы внутреннего преобразования своих персонажей – как коренных жителей, так и представителей «Большой земли». Описывая процесс «воспитания», духовного роста населения Чукотки, Т. Сёмушкин выделяет два поколения: старшее и новое, нарождающееся. Прежде всего, автор характеризует каждое поколение в целом, рассказывая о постепенном освобождении от предрассудков родителей, воспитании и образовании детей и росте их доверия к представителям новой власти.

Как уже отмечалось, в начале повести показаны предубеждения и суеверия северян, подпитываемые внушениями шаманов, страшными слухами, рождающими недоверие к «таньгам»: «По всему побережью пошёл разговор о том, что русские построили много больших домов. Они соберут чукотских детей и запрут их в деревянные дома, а потом придёт пароход, заберёт их и навсегда увезёт далеко-далеко от Чукотской земли. Эта далёкая земля... – страшная земля. На ней не растёт мох, там нет оленей, моржей и нерп. Дети пропадут там... На побережье были шаманы, которые... старались разрушить нашу работу. Они выдумывали нелепые истории, и тёмный, суеверный народ верил им» [2, с. 43-44]. «Лечить народ предоставлялось шаманам. Из них вырабатывалась каста продувных и очень изворотливых фокусников» [Там же, с. 172], поэтому больница культбазы практически пустовала. «Тяжёлым наследием» называет Т. Сёмушкин обычай удушения стариков, шаманские камлания, царившую в стойбищах грязь, прививаемую с раннего детства привычку к табаку и т.п. И главное, что удручает повествователя – нежелание чукчей приобщиться к новой жизни, трудно преодолеваемое недоверие к учителям и сотрудникам больницы.

Однако постепенно, шаг за шагом, жители Чукотки проникаются к ним расположением, подкрепляемым облегчающими жизнь новшествами, свидетельствами преобразования края. Родители убеждаются, что в интернате детям хорошо, сытно и уютно, взрослые также участвуют в совместных мероприятиях и праздниках, знакомятся с искусством кино, новой техникой, благодаря влиянию детей-школьников приучаются к порядку и чистоте, начинают, наконец, доверять медицине. В финале первой части повести показано единение двух народов, двух «цивилизаций» – чукотское население принимает все новшества, пришедшие с Большой земли, их кругозор существенно расширяется, открывая доселе невиданные перспективы: «Сколько навыков, сколько впечатлений, сколько знаний получили дети за истекший учебный год! Никогда ещё представления охотников не выходили за пределы окружающей их действительности. Теперь дети, а с ними и родители, разговаривали о Большой земле, до того совершенно им неведомой» [Там же, с. 212].

Коллективный образ старожилов Севера хотя зачастую и характеризуется автором обобщённо, но в то же время «составляется» в «Чукотке» из ряда отдельных действующих лиц. При этом следует отметить, что их изображение ещё не отличается психологической глубиной и ёмкостью. Автор подчёркивает прежде всего их типические черты. Часто краткий, локальный рассказ о конкретном персонаже является в повести своего рода иллюстрацией той или иной ступени внутреннего преобразования целой общности персонажей – этнической или профессиональной.

Так, например, рассказывая о ступеньках формирования личности лучшего ученика Таграя, автор обращает внимание на то, что положительные качества мальчика свойственны большинству обитателей Севера. Обнаруживая интерес Таграя к кинопередвижке, рассказчик замечает: «Надо сказать, что чукчи вообще очень восприимчивы к технике» [Там же, с. 151]. О способностях коренных жителей автор размышляет и в тот момент, когда сообщает об успехах этого ученика в шахматной игре: «Кто научил Таграя играть в шахматы? Никто.

Таграй был всем обязан самому себе, своей наблюдательности. Чукчи – народ очень талантливый... Едва проникла на Чукотку свободная советская культура – чукча стал жадно и легко овладевать ею» [Там же, с. 165]. В качестве подтверждения этим мыслям в повести приводится пример безграмотного глухонемого юноши Лятуге, нанявшегося в школу сторожем. Тяга к знаниям у него была такой силы, что он самостоятельно, ориентируясь по движению губ и «разговору на пальцах» учителя, записям на доске, не только освоил грамоту, но и придумал свой, особый язык глухонемых: «Учителя поразились способностям Лятуге. По существу он сам изобрёл азбуку» [Там же, с. 166]. А ведь буквально несколько месяцев назад это был безграмотный, на первый взгляд, туповатый и смешной юноша, не умевший ни затопить печку, ни помыть пол.

Выделяются в повести и образы представителей взрослого поколения, иллюстрирующие эволюцию сознания северян: старейшин Ульвургына и Тньаргына, воспитательницы Панай и др. Так, например, Тньаргын, поначалу сомневавшийся в полезности преобразований, в финале первой части повести проникается чувством гордости за свою причастность к новой жизни: «Он ходил с довольным видом и думал о том, что он раньше всех людей этого стойбища увидел солнце... Старик был горд тем, что “не промахнулся” в таком важном деле: отдать детей в школу» [Там же, с. 98]. Безусловный авторитет заслуживает и выбранный председателем поселкового Совета Ульвургын. Он принимает на себя всю ответственность за будущее детей, дав согласие на их отъезд в интернат, и в дальнейшем деятельно участвует в организации школьной жизни: «Ульвургын был неразрывно связан со школой и жил интересами школы, интересами детей. Всё хорошее в школе его радовало» [Там же, с. 93].

Преображается и поначалу невежественная, суеверная и неряшливая «старуха» Панай, которую назначили воспитательницей в интернате. На протяжении произведения она прошла школу жизни вместе со своими воспитанниками, стала им верным другом и наставником. Панай не сумела до конца изжить в себе предрасудки своего народа, пойдя на самовольное удушение, уйдя из жизни согласно обычаям предков. Однако вызывают уважение её беззаветная верность школе-интернату, её забота о маленьких воспитанниках. «Интересно, что даже перед смертью мысль о школе не покидала её», – пишет автор [Там же, с. 169].

Своеобразие отражения в повести темы воспитания заключается в том, что автор не ограничивается показом процесса внутреннего преобразования лишь коренного населения Чукотки, а пытается отразить и изменения в среде посланцев Большой земли, прежде всего – учителей. Хотя им в произведении уделяется гораздо меньше внимания и показаны они фрагментарно, эпизодически, тем не менее, можно проследить, в какой степени изменяется отношение учителей Татьяны Солнцевой и Владимира Евгеньева к «аборигенам» Севера. Если в начале повести молодые педагоги брезговали даже зайти в ярангу, чураясь плохого запаха и грязи, отказывались от угощения гостеприимных чукчей, чем немало их обижали, то по мере знакомства с северным народом проникались к нему всё большей симпатией. Через трудности решения необычной и сложной педагогической задачи учителя постепенно находят взаимопонимание со школьниками, а затем – и с их родителями. Изучая чукотский язык, посещая стойбища, участвуя в традиционных охоте и праздниках, педагоги становятся для северян близкими и понятными: «Чувствовалась настоящая школьная жизнь. Учителя перестали быть только “таньгами”, – они стали своими людьми, друзьями отцов, ибо побывали у них в ярангах, ходили вместе с ними на охоту» [Там же, с. 108]. Так тема воспитания перерастает в тему «взаимного узнавания» и сближения двух народов.

Тематическое своеобразие повести северного прозаика определило и общий пафос произведения, и его особый колорит, основанный на мотиве постижения и освоения суровой земли, полной экзотических и природных тайн, населённой людьми, которыми автор откровенно восхищается. Проблема воспитания человека становится определяющей не только в содержательном, но и в сюжетнообразующем, жанрово-стилевом аспектах. Т. З. Сёмушкин, ориентируясь на лучшие традиции русской педагогической литературы, создаёт новый жанр в северо-восточной прозе – жанр историко-психологической повести «воспитания».

Список литературы

1. Макаренко А. С. Записки педагога // Макаренко А. С. О литературе: статьи, выступления, письма. М.: Советский писатель, 1956. 284 с.
2. Сёмушкин Т. З. Чукотка. М.: Советский писатель, 1954. 426 с.
3. Шпрыгов Ю. М. Проза утреннего края: литературно-критические очерки. Магадан: Книжное издательство, 1985. 102 с.
4. Юрина М. А. Своеобразие историко-этнографического содержания повести Т. З. Сёмушкина «Чукотка» // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 146-148.
5. Юрина М. А. «Чукотка» Т. З. Сёмушкина как историко-документальное повествование // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2015. № 24. С. 10-12.
6. Якимова Л. П. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 230 с.

“CHUKOTKA” BY T. Z. SEMUSHKIN AS AN “EDUCATION NARRATIVE”

Yurina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Eastern State University in Magadan
frigga@maglan.ru

The article characterizes the theme of education in the narrative by T. Z. Semushkin “Chukotka” as one of the most important genre-formative elements. The author presents a special view on the subject matter of the work. For the first time in the history of its study the role of A. Makarenko’s traditions in the plot structure of the book is highlighted. The system of the narrative images is analyzed. The moral evolution of the main characters is examined. Special attention in the analysis of the process of spiritual development of the personages is paid to the problem of interpenetration of Paleo-Asian and European cultures.

Key words and phrases: genre; problem of education; humanistic subject matter; evolution of personages; typical characters; formation of personality.